B 4/187

МИХАИЛЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВО-ЧЕРНИГОВСКІЙ

И

БОЯРИНЪ ЕГО ѲЕОДОРЪ.

Не ищу славы мира сего, стремлюсь къ небесной.

Михаилъ Черниговскій и Боярин его Ѳеодоръ умираютъ за вѣру.

МИХАИЛЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВО-ЧЕРНИГОВСКІЙ

И

БОЯРИНЪ ЕГО ѲЕОДОРЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

ИЗДАНО

К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 24 дня 1839 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

2007059106

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ МИХАИЛУ АНДРЕЕВИЧУ

ОБОЛЕНСКОМУ.

Мы сошлись не такъ, Любезнѣйшій Князь, какъ пріятели свѣтскіе: мы сошлись въ храмѣ Русскихъ Музъ, какъ сомысленики, любя Отечество, его преданія и розыски его древностей.— Я не ошибаюсь, ибо памятливъ: первое свиданіе наше было въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ кровомъ Московскаго Университета. — Въ бесѣдахъ нашихъ о предметахъ нами любимыхъ, Вы, между прочимъ, подали мнѣ мысль сдѣлать очеркъ жизни Святаго Князя Михаила и Боярина его, Ѳеодора, Черниговскихъ, съ крат-

кимъ обозрѣніемъ тогдашней Россіи. Хотя и страшно было мнѣ коснуться того, о чемъ уже говорилъ Карамзинъ, однакоже я взялъ перо, а Вы сообщили мнѣ нѣкоторые любопытные матеріалы. Помня это, нахожу, что рукопись моей тетрадки должна принадлежать Вамъ. И такъ, да будетъ она слабымъ знакомъ пріязни, освященной родствомъ чувствъ и мыслей.

Преданный Вамъ

Николай Иванчинъ—Писаревъ.

Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе.

Карамзинъ.

МИХАИЛЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВО-ЧЕРНИГОВСКІЙ

и

БОЯРИНЪ ЕГО ѲЕОДОРЪ.

Кто изъ насъ безъ особеннаго чувства посѣщалъ Московскій Кремль, эту сердцевину нашей славы, искупленной толикими трудами въ тугахъ народныхъ, облитой моремъ крови не утолявшейся доколь не окрѣпла Россія въ величіи; этотъ Кремникъ, изъ котораго изваялось колоссальное могущество, заставившее Европу и Азію разступиться, и дать мѣсто необозримой! Еще недавно я посѣтилъ его святыя мѣста, среди коихъ сердце Русское такъ сильно бьется порывами восторга, или волнуется сладкимъ умиленьемъ. Въ первомъ храмѣ его поклонясь чудной Иконѣ, древлѣ Вышгородской, со временъ Боголюбскаго Владимірской, со дня отшествія Тамерлана святынѣ Московской; поклонясь и написанной первымъ Святителемъ града съ пророчествомъ о судьбѣ Москвы; поклонясь боголѣпнымъ данямъ Византіи, Палестины и Ирана; прославленнымъ гробамъ великихъ Іерарховъ, и, какъ благодарный сынъ Отечества, гробамъ Филарета и Ермогена, я вступилъ подъ

священные своды Архангельскаго храма, въ эту усыпальницу порфиропосныхъ, — и разскрылась предо мною вѣковая скрижаль, надъ которою патріотъ святитъ слезами свои помины, дѣписатель ищетъ вдохновеній, мудрый, благословляя столько добродѣтелей, замѣчастъ, какъ меркнутъ въ полномъ ихъ сіяніи отблики страстей и слабостей человѣческихъ.

Переходя отъ гроба Іоанна Калиты, отца Москвы и Единовластія, ко гробу ихъ довершителя, прямаго виновника нашихъ силъ, Великаго Іоанна; отъ гроба непостижимаго Грознаго, творца Судебника, покорителя Царствъ, посланнаго Россіи въ знаменіе то благостыни то кары небесной, ко гробу мудраго Алексія, собрателя земли и законодавца, я остановился предъ двумя, уступленными древнимъ Черниговымъ: предъ нетлѣнными мощами Князя Михаила и споклопяемаго ему Боярина Оеодора, — и мысленно говорилъ: Отечество мое! нѣтъ подъ солнцемъ другаго края, гдѣ бы такъ нераздѣльно сливалась Вѣра во Христа съ любовію къ родинѣ; гдѣ было бы столько страдальцевъ, до послѣдняго издыханія сохранившихъ оба чувства, и славно умершихъ за обѣ святыни. Вотъ останки Праведниковъ изъ коихъ одинъ соединилъ достоинство Вѣнценосца съ характеромъ мудраго о Христѣ и съ пламеннымъ отчизнолюбіемъ Русскаго; другой и жизнь и смерть свою оставилъ въ примѣръ усердія къ добрымъ Монархамъ, возсѣдаютъ ли они на тронахъ, скитаются ли какъ странники, умираютъ ли въ истя-

заніяхъ! — Такъ говорилъ я, — и жизнь державнаго страдальца предстала умственнымъ очамъ моимъ.

Князь Михаилъ родился во времена, можно сказать, еще цвѣтущія для Россіи, когда связи съ единовѣрною Греціей обѣщали ей первенство надъ Западомъ, утопавшимъ въ грубомъ невѣжествѣ, среди грабежей, феодальнаго разновластія и ужасовъ фанатизма, когда, вооруженный буллами, громоносный Святитель принужденъ былъ вытѣснять царей и народы изъ отчизнъ, чтобы подъ знойнымъ небомъ Азіи гибнуть имъ въ трудахъ путевыхъ, или отъ меча Саладина; между тѣмъ какъ мы и данники—учители наши, Греки, уклонялись отъ сего возстанія, смиряя строптивость сосѣднихъ народовъ. Еще въ Европѣ не слышно было о тьмахъ варваровъ, которыхъ Провидѣніе копило на Россію, чтобъ искусить ее двувѣковою истомою. Россія, говорю, еще цвѣла, возмущаемая по мѣстамъ лишь распрями усобій. Сіи хотя и задерживали исполинскій ходъ ея къ величію, но въ общемъ объемѣ ея мѣстности и силъ не претили ей возрастать и славиться. На Сѣверѣ, богатый, досужій Новгородъ, престоліе Рюрика, гремѣлъ въ народахъ избытками торговли и промышленности, хвалясь велелѣпіемъ своего Софійскаго храма, гордясь и Дворомъ Ярослава Великаго, творца его знаменитости. Отблескомъ его славы красовался и смежный ему Псковъ, родина святыя Ольги, хранитель гроба и меча Всеволода-Гавріила. Оба града готовились приосениться лав-

рами святодоблестнаго Александра, будущей грозы Германцевъ, Шведовъ и Меченосныхъ Рыцарей. Средина Россіи, древніе Ростовъ и Суздаль обновлялись образцами своеродныхъ искусствъ зодчества и стѣнной живописи. Вмѣстѣ съ ними, Переяславль и новопрестольный Владиміръ, творенія Мономаха, Георгія, Боголюбскаго, Всеволода Великаго и сына его, Константина, возникали въ великолѣпіи, осѣняя колыбель раждающейся Москвы, ихъ будущей царицы, — и переселенецъ забывалъ южные грады, имъ сопменные. Смоленскъ былъ крыломъ Русскаго орла, и, хотя жертва мятежей, являлся еще достойнымъ гордиться, какъ первая добыча героя, прибивщаго свой щитъ къ вратамъ Царя-Града. На югѣ, древній Черниговъ, еще при Ольгѣ бравшій дани съ Императоровъ Греціи, былъ родиною Михаила, и цвѣлъ тогда слѣдами Мономаховой мудрости. Тамъ, надъ многими святолѣпными памятниками возносился храмъ Спасо-Преображенскій, заложенный Мстиславомъ, сыномъ Владиміра Великаго. Михаилъ, еще младенецъ, дивился лѣпотѣ его зодчества и стѣнописныхъ испещреній; съ любопытствомъ разсматривалъ его мраморные столпы, еще довременные нашему Христіанству, и заставлялъ толковать себѣ ихъ таинственныя буквы. Обозрѣвая на стѣнахъ его изображенія святыхъ Мучениковъ, онъ крѣпилъ душу къ будущему великому подвигу. Въ его *усыпальномъ терему Князей*[1], внимая бесѣдѣ мудрыхъ пестуновъ съ иноками-лѣтописцами, онъ прислушивался къ разсказамъ о славѣ предковъ, о

святости ихъ земли, о долгѣ презрѣть изъ любви къ ней всю иную славу, сдруживъ это чувство съ высшими понятіями Христіанина. Возвращался ли подъ кровъ родительской гридницы, — тамъ склонялъ онъ слухъ къ велезвучнымъ пѣснямъ стараго времени, въ которыхъ еще жило рокотаніе струнъ вѣщихъ, и уже гадалъ въ младенческой думѣ своей, какъ сладко вступить въ златое стремя за обиду земли Русскія. Святый, боголѣпный Кіевъ, вторый Царь-градъ, блисталъ дивами временъ святаго Владиміра и трехъ послѣдовавшихъ вѣковъ, — и странникъ, пораженный видомъ его Златыхъ Вратъ, церквей: Десятинной, Софійской, Великой Печерской, Пирогощей и стѣнами обители Выдубецкой, столбенѣлъ въ безмолвномъ изумленіи. Тамъ, среди узорочій Византійскихъ, живо-блестящей мусіи, златосканнаго дѣла, хитрой рѣзьбы, чудныхъ изваяній изъ камней и кристала, среди Св. иконъ, оживленныхъ кистію Алипія, склонясь на гробъ Равноапостальнаго, державный юноша поучался, какъ властители народовъ прослываютъ ихъ *солнцемъ;* надъ гробомъ Ярослава, коему ни огнь ни мечь, ни самое время не коснулись, помышлялъ онъ о прямомъ величіи, котораго достигаютъ державцы, строя, судя и рядя землю, и предавая хартіямъ святыя думы о благѣ потомства; надъ гробомъ Мономаха твердилъ его *Поученіе,* которое во всѣ времена пребудетъ назидательнымъ для человѣка, въ порфирѣ ли онъ, или въ одеждѣ простолюдина. Тамъ, на одномъ изъ красныхъ холмовъ Кіевскихъ, въ Вышгородскомъ

храмѣ Св. Василія, надъ златокристальною ракою Св. Бориса и Глѣба, дивившею и Греческихъ искусниковъ, онъ размышлялъ о суетѣ земнаго и его царства, и увѣрялся въ истинѣ, что правота сердца одна ведетъ къ царству нескончаемому; что и многоцѣнная рака, и самые останки, ею хранимые, могутъ сокрыться на днѣ кладезя отъ пламени грядущихъ[2], но имя и дѣла проглянутъ въ вѣки для примѣра, въ вѣчность для самаго подвижника добродѣтели. Среди такой-то Россіи, въ таковыхъ-то поученіяхъ возрасталъ душею и тѣломъ юный Русскій Князь, будущій прославленникъ.

Михаилъ рано позналъ превратность долняго; и когда усобія принудили его отца, Всеволода Чермнаго, оставя Кіевъ, удалиться въ Черниговъ, тогда и онъ сопутствовалъ ему, оставя Княженіе Переяславское. Какая то особенная любовь, слитая съ помиюмъ первыхъ дней, влекла его къ мѣсту, которое видѣло его колыбель и внимало его младенческой молитвѣ. Онъ прибылъ въ него, — и съ тѣхъ поръ, вынуждаемый ли распрями Князей, водимый ли долгомъ державства, обтекая земли отъ Сѣвера до Юга, болѣе и болѣе роднился съ святыми напоминаніями послѣдняго.

Между тѣмъ наступала для Россіи година язвъ, которыхъ уврачевать едва могли вѣки трудовъ и бореній. Какъ отдаленный грохотъ бури, принеслось отъ Юго-Востока неслыханное, роковое слово: *Татары!...* Не долго оставалось оно глухимъ звукомъ: скоро лютые, звѣровидные питомцы

степей, алкая крови и грабежа, появились въ краяхъ смежныхъ. Гонцы неслись, путники бѣжали съ вѣстію къ Князьямъ, Намѣстникамъ и Воеводамъ; а тучи дикихъ, невѣдомыхъ племенъ шли, двигались — и вдругъ обложили Россію. Она оцѣпенѣла въ недоумѣніи. Еще темно постигая будущность, еще какъ бы не вѣря сказаніямъ, смятенные Властители медлили сносить сердца̀ и мечи для дружнаго отраженія. Наконецъ съѣхались въ Кіевѣ на совѣтъ, и положили не впускать врага; но, соединясь съ Половцами, встрѣтить его внѣ предѣловъ Россіи.

Такъ начиналось ужасное появленіе, названное въ лѣтописяхъ первымъ нашествіемъ Татаръ. Ихъ двигалъ по лицу устрашенной земли ея могущій опустошитель отъ моря Аральскаго до Инда, завоеватель Китая, Бухаріи, Самарканда, Дербента, гроза народовъ, Чингисханъ. Переступивъ великую стѣну Китайскую, упившись кровію Ніучей, разгромивъ Туркмановъ, Персовъ, и обхвативъ Востокъ и Полдень, онъ сулилъ равную участь цѣлой вселенной.

Три Мстислава, старѣйшины Русской земли; съ ними Даніилъ Волынскій (въ послѣдствіи знаменитый Король Галицкій) Михаилъ Черниговскій и Всеволодъ (нѣкогда Новгородскій) первые возстали противу хищныхъ Ордъ, и смяли ихъ на берегахъ Днѣпра; но битва на Калкѣ явила волю испытующей Десницы: Князья и богатыри бились на смерть, не чувствуя ранъ своихъ; но недружно вступили въ сѣчу, не давъ собраться всей рати, —

и когда робкіе Половцы, дрогнувъ, подались на наше войско и его смѣшали, оно погибло вмѣстѣ съ надеждою спасти отечество.

Татары отхлынули, ужаснувъ Россію, — и она, какъ бы видѣвшая нѣкій страшный сонъ, вопрошала: кто были? откуда приходили, и куда скрылись[3]?... Но было суждено ей снова ихъ увидѣть, — суждено было довершиться испытанію.

Затихло все на время въ предѣлахъ Русскихъ. Общая дремота нарушалась лишь внутренними перемѣнами, среди коихъ Михаилъ казался утѣшителемъ народовъ. Призванный въ Новгородъ, онъ сдѣлался его благотворнымъ геніемъ; но скоро простился съ нимъ, сказавъ Новгородцамъ: »не хочу у васъ княжить; иду къ Чернигову«, — и отбылъ на родину, дабы утвердиться на престолѣ Полуденной Россіи. Тамъ встрѣтили его смуты и нестроенія отъ неправоты Олега Курскаго. Митрополитъ Кириллъ подалъ миротворный примѣръ будущимъ Іерархамъ Россіи, — и брань единоплеменныхъ затихла. Михаилъ еще разъ посѣтилъ Новгородъ, заступясь за его пословъ, удержанныхъ въ Смоленскѣ, и еще разъ умилился тамъ восторгами любви народной. Ужасныя явленія природы, предтечи мятежа, глада и язвы въ Новгородѣ, котораго судьбу вручилъ онъ младенцу Ростиславу, подвигнули его снова стать среди его сотоповъ, дабы утѣшить гражданъ. Ободривъ и успокоивъ ихъ моленнымъ поклоненіемъ Святой Софіи, торжественнымъ совершеніемъ *постриговъ* и *сажаніемъ на коня* сына, Михаилъ оставилъ

его на престолѣ Новгородскомъ; самъ же спѣшилъ увидѣть свой Полуденный край. Онъ упрочилъ себѣ Кіевъ, а Ростиславу, скоро изгнанному изъ Новгорода, Галичъ; но искушаемый невзгодами усобій, невсегда пребывалъ въ спокойствіи.

Такъ было, когда потрясшая Россію буря, послѣ шестилѣтняго затишья нежданно закипѣла на Востокѣ, и понеслась на Сѣверъ. Ханъ Октай исполнилъ заповѣдь отца и рипулъ новыя тьмы съ степей Могольскихъ. Единокровный подручникъ его, лютый Батый, сначала грозный именемъ великаго Хана, въ послѣдствіи могущественный среди своихъ полчищъ, и едва не равный ему, какъ туча гряпулъ всѣми силами, и погромилъ Рязань, Тверь, Суздаль, Ростовъ и Владиміръ. Съ ними вмѣстѣ, по убіеніи Воеводы и всѣхъ жителей, вспылалъ и красивый Суздальскій городокъ, зачинавшаяся Москва[4]. Каждый, въ свою очередь, страшилъ враговъ мужественнымъ отпоромъ, каждый, подобно слабому Козельску, коего Князь утопулъ въ крови, ревновалъ достигнуть имени *злаго города*, и дивилъ подвигами самоотверженія. Вездѣ стояли и бились Князья, пока могли говорить: »не будетъ насъ, все ваше будетъ«, и плѣнные, какъ Василько Ростовскій, какъ Олегъ Рязанскій, смѣло взирая на острія мучительскія, отвергали союзъ завоевателя и забывъ женъ и дѣтей, умирали въ мукахъ за честь Россіи; а порфиропосныя жены кидались съ башенъ на зубцы оградъ съ своими державными младенцами. Вездѣ изумляли Моголовъ гордые отвѣты храбрыхъ: »Мы

слуги Князя Русскаго«. Тамъ воеводы Рязанскіе, съ горстью едва живыхъ, бросались изъ развалинъ и грудъ мертвыхъ тѣлъ на тьмы побѣдителей, и заставляли думать Батыя, что мертвецы возстали. Тамъ, въ престольномъ Владимірѣ, цѣлыя семейства Княжескія съ ихъ Боярами сгорали и гибли подъ мечемъ, но не сдавались, не просили мира вмѣстѣ съ униженіемъ. Епископы, сами задыхаясь въ пламени, облекали ихъ въ схимы и благословляли на смерть не постыдную... Русскіе умѣли умирать, но не умѣли соглашать воли и силъ съ доблестію: такъ Георгій Владимірскій на мольбу Рязанскихъ Князей о помощи отвѣчалъ, что не иначе какъ отдѣльно, и одинъ, вступитъ въ брань съ Татарами; но скоро страхъ и недоумѣніе оковали стопы его для встрѣчи сопостатовъ, — и онъ умеръ на берегу Сити, уже не защищая Княжества, но, отчаянный, мстя за его погибель, и (черта великодушія неимовѣрнаго!) оплакивая не жену, дѣтей и внуковъ, погибшихъ въ пламени Владиміра, но свой народъ и Христіанство! — такъ еще при Калкѣ, Мстиславъ Галицкій вступилъ одинъ въ битву, не извѣстивъ Князей, Кіевскаго и Черниговскаго, и погубилъ всё войско. Храбрость юныхъ героевъ безъ дружнаго дѣйствія была, подобно Даніиловой, Всеволодовой, Юріевой, лишь опрометчивостію. Однимъ словомъ, надъ общею связію областей совершались древнія угрозы Пророковъ, или глаголъ прогнѣваннаго Бога къ народамъ, что пошлетъ имъ смятеніе въ умахъ, шаткость въ

совѣтахъ, упыніе и страхъ въ предшествіе туги кроволитной. [5]

Во славу Вѣры, всегда сильной, всегда чудодѣйствующей, и при самыхъ знаменіяхъ небеснаго гнѣва насъ утѣшающей, вспомнимъ здѣсь одно событіе: среди всеобщаго погрома, среди развалинъ храмовъ и чертоговъ Княжества Владимірскаго, тамъ, надъ пепломъ Суздаля, стояла уцѣлѣвшая обитель инокинь. Въ ней, подъ веригами, молилась черница, въ мірѣ Великая Княжна и невѣста Суздальскаго Князя. Блистая красотою и добродѣтельми, она прибыла къ жениху своему, котораго могла любить лишь духовно, и нашла его во гробѣ; не возвратилась на родину, гдѣ ждали ее отецъ и мать; но близъ могилы суждennаго ей друга умерла міру, и святостію не земной жизни удостоилась сотворить чудо: Батый прошелъ мимо, какъ бы не посмѣвъ указать дружинѣ на смиренную Ризположенскую обитель, которую отстаивали слезы Праведной... То была Святая Евфросинія, въ мірѣ Осодулія, Княжна Черниговская, дочь Михаила! [6]

Обратимся къ бѣдствіямъ, отечества. Россія исчезла. Оставался на Сѣверѣ Новгородъ, богатый, но лѣсистый, болотистый, хладный для завоевателей Пекина и Тифлиса; на Югѣ оставались мѣста, полныя для насъ святыхъ воспоминаній, а въ тоже время и лестной привады для враговъ хищныхъ. Блестящія главы храмовъ, верхи башенъ и теремовъ, окрестъ обильіе пивъ и пажитей обѣщали и несмѣтную добычу и приволье. Златопрестольный, вели-

колѣпный Кіевъ былъ тайно обозрѣнъ внукомъ Чингисхана, сыномъ Октая, Мангу. Варваръ, изумясь его богатству и красотѣ зданій, хотѣлъ лестію уловить граждань; но Кіевляне отвѣтствовали избіеніемъ пословъ его, чтобы не ждать пощады.

Михаилъ предчувствовалъ гибель, и, вслѣдъ за Ростиславомъ, у котораго Даніилъ отнялъ Галичь, поспѣшилъ къ предѣламъ Венгріи, къ союзному Королю Белѣ IV, прося помощи, а вмѣстѣ и обѣщанной его сыну руки дочери Королевской. Бела принялъ странствующаго Великаго Князя какъ предатель; отказалъ во всемъ, и велѣлъ удалиться. Ограбленный Нѣмцами близь Спрадіи, Монархъ, нуждаясь въ необходимомъ, протекалъ грады и веси, сзывалъ владыкъ и народы, моля ихъ стать за едино, и отвратить грозу отъ всей земли Христіанской; а Батый, отступившій къ берегамъ Дона, въ область Половецкую, вдругъ, изворотясь и раздвоивъ рать, ударилъ на Южный Переяславль, гдѣ срылъ древній соборъ до основанія; хлынулъ на Черниговъ, — и сей палъ, но со славою, ибо искони былъ сей вѣренъ. Бились на стѣнахъ и подъ стѣнами. Мстиславъ, двоюродный братъ Михаила, водилъ мужествомъ гражданъ и воиновъ; искуство новое, дивившее лѣтописцевъ, соединялось съ силою человѣческою: бросались огромные камни на полтора перелета стрѣлы![7] — Но пламень сокрылъ подвиги доблестныхъ вмѣстѣ съ стогнами Чернигова. Съ его пепла рушитель двинулся на Кіевъ соединя всё воинство.

Топотъ ратныхъ, скрыпѣніе обозовъ, ревъ верблюдовъ и ржаніе коней заглушали человѣческій голосъ. Кіевъ громился всѣми стѣнобитными орудіями Татарскихъ полчищъ; но тамъ, въ тучѣ стрѣлъ, омрачавшей воздухъ, стоялъ доблій Боярин Димитрій, — и никто не молилъ о пощадѣ. Пали стѣны и бойницы, — открылись груди вѣрныхъ, чтобы заслонить гробъ Святаго Владиміра. Воины и народъ стали на развалинахъ, и во весь день до ночи не смолкалъ трескъ ломавшихся копій и въ щепы разбиваемыхъ щитовъ. Татары, овладѣвъ обломками стѣны, встрѣтили другую, новую: Кіевляне въ одну ночь оградили сію храмъ Богоматери Десятинный, Палладіумъ ихъ древней славы. Но все пало вмѣстѣ съ израненнымъ Воеводою. Враги по трупамъ едва ли не всѣхъ воиновъ, граждан и самаго Митрополита вступили въ Десятинную, въ Софійскую, въ Великую Печерскую, дабы сравнять ихъ съ землею. Такъ изчезло Первопрестоліе, такъ погибла красота *матери градовъ Россійскихъ*, — и на слѣдахъ памятниковъ боголѣпныхъ застолбился прахъ запустѣнія! Сокрылись святочтимые гробы и утвари неоцѣнимыя. Осталась, вмѣстѣ съ гробомъ Ярослава, лишь царственная Мономахова, — и младенцы Могольскіе не играли его священнымъ увяслом, данію Комниныхъ побѣдоносной Россіи.

Проливъ по всему нашему отечеству рѣку огня и крови, покосивъ головы милліоновъ какъ траву, наконецъ опустошивъ и Южный Владиміръ и Га-

личь съ городами, Батый внялъ совѣту великаго Россіянина, плѣннаго Воеводы Димитрія, и пошелъ громить Венгрію.

Великій Князь прибылъ къ рубежамъ отечества, этого необозримаго кладбища; прибылъ и къ Кіеву — дабы спросить: гдѣ Кіевъ? гдѣ величавые стогны его и храмы *небеси подобные?* — Вступить въ его развалины было свыше и великой души Михаила: съ острова Днѣпровскаго онъ смотрѣлъ на куреніе догоравшихъ остатковъ толикой славы.

Между тѣмъ сынъ его, Ростиславъ, снискалъ дружбу Короля Белы и руку его дочери. Михаилъ рѣшился еще разъ явиться въ предѣлахъ Венгріи, еще разъ молить, уже не о спасеніи своихъ градовъ, но о пеплѣ ихъ, объ останкахъ святыни, оскверняемой присутствіемъ варваровъ, объ останкахъ народа столь вѣрнаго и доблестнаго. Испытавъ снова отказъ и презрѣніе сего уже ближняго, и — какъ велики бываютъ искушенія избранныхъ! — испытавъ остуду къ себѣ и сына, притекъ на пепелище Чернигова, гдѣ сановники Ханскіе изчисляли его народъ для тяжкой и постыдной дани. Тамъ, среди сонма плакавшихъ Бояръ, изможженныхъ стрѣлами и копіями въ битвахъ отчаянныхъ, стоялъ ихъ Государь, побѣждая скорбь неземною твердостію, и совѣщался о помощи страдальцамъ.... Вдругъ завидѣли поднявшуюся пыль со стороны Восточной; послышался конный топотъ, — и явился Темникъ, сопровождаемый наѣздниками: онъ прибылъ съ сло-

вомъ на миръ, предлагая, какъ необходимость, ѣхать Великому Князю въ станъ Моголовъ, и, подобно другимъ Князьямъ Россійскимъ, стать предъ Батыемъ, уже величавшимся именемъ Царя. Князь изъявилъ негодованіе, вздохнулъ о братьяхъ единоплеменныхъ, и голосомъ таинственнымъ сказалъ: »ѣду«. Призвавъ вѣрнаго совѣтника и друга своего, Боярина Осодора, на думу келейную, онъ открылъ ему свой высокій замыселъ; но требовалъ его совѣта: »Отъ юности моей, говорилъ Князь, ты былъ по́другомъ, сотрудникомъ въ дѣлахъ боевыхъ и думныхъ, дѣлителемъ радостей и скорбей житейскихъ; былъ предо мною, когда сидѣлъ я на златомъ престолѣ, со мною, когда скитался нищъ въ предѣлахъ Угорскихъ: вѣщай,— хочу внимать лишь тебѣ: этотъ часъ будетъ рѣшительнѣйшимъ въ моей жизни.« Осодоръ похвалилъ намѣреніе, и сказалъ: »Государь! пынѣ твой вѣрный Боярин и слуга сподобляется еще разъ, можетъ быть, въ послѣдній, говорить тебѣ правду и не земную,— и такъ внимай: вѣдаю рабство и униженіе Князей; вѣдаю, чего потребуетъ отъ тебя Батый; но пребудь твердъ, неколебимъ; подай примѣръ великій: онъ отзовется, воскреснетъ въ душахъ доблестныхъ; претерпи муки и самую смерть, но для благъ сустныхъ, не губи чести Русскаго Владыки, и не измѣняй Вѣрѣ отцевъ своихъ, Вѣрѣ въ Спасителя, всю кровь свою за насъ пролившаго. Твое земное Царство изчезло: тамъ, выше звѣздъ, готовится тебѣ новое. Вѣнецъ твой сіяетъ уже не зернами бисера, волнами изно-

симаго, не каменіемъ, землею порождаемымъ, но лучами незаходимаго свѣта. Благословляй Десницу, тебѣ сей даръ ниспосылающую. Вотъ послѣдній приговоръ твоего Боярина. Въ дѣлахъ думныхъ я всегда стоялъ предъ тобою въ правдѣ, а въ бояхъ былъ вѣренъ извѣчной клятвѣ, отцами заповѣданной: сложить главу свою тамъ, гдѣ и твоя ляжетъ. Прими снова клятву: не отступить отъ тебя до кончины; прими съ нею и молепіе: да буду причастникъ твоего подвига, всѣхъ новыхъ трудовъ твоихъ, и, если Богъ благоволитъ, — причастникъ твоихъ страданій и святой кончины; молю о сей послѣдней наградѣ за мою вѣрную службу!« — и Боярин палъ къ ногамъ своего Князя. »Да будетъ,« сказалъ Михаилъ, тронутый усердіемъ и изумленный премудростію словесъ Ѳеодора. Положивъ слово непреложное: »итти и умереть,« они возстали отъ совѣта, и пошли къ духовнику своему Іоанну. »Благослови меня, отче! — по примѣру другихъ Князей, иду къ Батыю,« сказалъ Михаилъ старцу. Тяжка была эта вѣсть духовному пастырю. »Иди, сыне, — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, — но изыди чистъ, какъ злато искушенное; не уловляйся, подобно имъ, прелестію благъ тлѣнныхъ; не измѣняй Вѣрѣ Христа, рекшаго къ намъ: »*Иже хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу мене ради и Евангеліа, той спасетъ ю;*« и паки: »*Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?*« и паки: »*иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его*

и азъ предъ Отцемъ моимъ иже на небесѣхъ.« Повторяю тебѣ сіи словеса Господни; ибо слышалъ, что знáкомъ чествованія Батыю есть исполненіе богомерзкихъ обрядовъ идолослуженія. И ты пойдешь ли.... « — Тутъ старецъ горько заплакалъ. — »Иду устыдить Князей малодушныхъ, промѣнявшихъ честь и правую Вѣру на мимотекущая міра сего; иду возгласить имя Христово въ слухъ лютаго нечестивца, просвѣтить его душу или умереть въ истязаніяхъ. Отпусти же меня; благослови и другое свое духовное чадо, единомыслителя моего, Осодора, неразлучнаго со мною и въ дѣлахъ временнаго Царства и въ достиженіи вѣчнаго. Совѣсть моя всегда была его совѣстію; наши думы во едино: тебѣ все явно. Молимъ, напутствуй насъ своими молитвами.« Обрадованный духовождь взглянулъ на Князя и его вѣрнаго слугу веселыми очами, благословилъ ихъ, воздѣлъ имъ на перси запасные дары Тѣла и Крови Христовой, и съ симъ непобѣдимымъ оружіемъ отпустилъ къ жизни нескончаемой.

Михаилъ, послѣдуемый Бояриномъ Осодоромъ и юнымъ внукомъ своимъ, Княземъ Борисомъ Ростовскимъ, потекъ въ странствіе слѣдами разрушенія, по дебрямъ, которые такъ недавно звались еще благословенною Россіею, и достигъ стана Могольскаго.

Выше холмовъ пустынныхъ, чрезъ туманныя дали степей сверкала маковица шатра Батыева, глядясь въ струи величественной Волги. Отбитая у Короля Венгерскаго, она царствовала надъ мно-

жествомъ златоверхихъ же, гдѣ роскошествовали Мурзы и Темники, упиваясь кумысомъ и слушая пѣсни побѣдныя. Тысячи верблюдовъ и несчетные табуны коней паслись на тучныхъ пажитяхъ; воинство покоилось, обхвативъ весь обзоръ окрестный. Показались сановники на коняхъ. Одежда ихъ и доспѣхи сіяли добычами Юга и Востока. Выѣхавъ на встрѣчу Великому Князю, они сошли съ коней, и повели его къ ставкѣ Батыя, гдѣ послы Иннокентія IV и Людовика Святаго трепетали вмѣстѣ съ пришельцами отъ всѣхъ странъ полушарія. [8]

Съ достоинствомъ Русскаго Порфирородца и съ смиренномудріемъ Христіанина приближался Михаилъ къ пышной кущѣ, осѣнявшей торжествующаго врага, хищника, поругателя святынь, убійцу его народовъ. Уже онъ касался великолѣпнаго намета, предъ которымъ по сторонамъ голубѣло тихое пламя, а посреди зеленѣлъ какой-то кустъ и возвышался уродливый кумиръ, какъ провожавшіе удержали его, сказавъ, что никто не вступитъ сюда и не узритъ властителя, не исполнивъ долга ихъ вѣрою заповѣданнаго: волхвы и жрецы требовали, чтобы Великій Князь, какъ и другіе, прошелъ между огней въ знакъ очищенія, и преклонилъ главу предъ солнцемъ, священнымъ для нихъ кустомъ и кумиромъ. [9] Государь отступилъ неподвижный, безмолвный. Требованіе возобновилось, — и онъ отверзъ уста: »Христіанамъ не подобаетъ кланяться идоламъ: они поклоняются лишь Вездѣсущему, въ Святѣй Троицѣ славимому. Ска-

жите Батыю, что Михаилъ смиряется предъ нимъ: Всемогущій попустилъ, — и вы видите здѣсь Русскаго Великаго Князя! скажите, что онъ готовъ наклонить предъ нимъ главу, какъ слабый человѣкъ предъ человѣкомъ сильнымъ; — но сего довольно..... Христіанинъ есмь!« Извѣщенный Батый затрепеталъ отъ гнѣва; но, скрывъ его въ ужасной душѣ своей, послалъ сановника Эльдегу, словомъ кроткимъ улестить Князя, и отъ имени его предложить, не только твердое обладаніе Великимъ Княженіемъ, но и всѣ возможныя земныя блага, лишь бы цѣною ихъ была покорность и временное чествованіе Могольскихъ божествъ. Татаринъ былъ встрѣченъ пламеннымъ потокомъ святыхъ истинъ правовѣрія, излившихся изъ сердца Михаилова. Эльдега хотѣлъ вступить въ преніе, но былъ побѣжденъ святымъ витійствомъ Христова воина, удалился, и все повѣдалъ своему владыкѣ. Нѣкоторые Князья и ихъ Бояре, раболѣпно притекшіе къ побѣдителю, въ надеждѣ удержать хотя слабую тѣнь власти, склоняли Кіево-Черниговскаго уступить необоримому року, во всемъ покориться волѣ общаго ихъ властелина, и послѣдовать ихъ примѣру: совершить мгновенное и вынужденное поклоненіе. »Іисмѣрить предъ Богомъ! — отвѣчалъ Князь, — быть словомъ Христіанинъ, а дѣломъ язычникъ! нѣтъ, для васъ не погублю души.« Тутъ онъ сорвалъ съ рамень своихъ мантію Княжескую, повергъ ее среди малодушныхъ, и сказалъ: »Возмите славу міра сего; азъ же ея не хощу.« [10] Рѣчь и дѣйствіе достигли слуха Баты-

ева. Наконецъ юный Борисъ и его Ростовскіе Бояре, заливаясь слезами, говорили: »Беремъ на себя грѣхъ твой; всѣ за тебя со всѣми областьми нашими эпитимію пріймемъ.« Тогда Ѳеодоръ, страшась, чтобы любовь кровная не поколебала твердости Монарха, воскликнулъ: »Вспомни, Государь, словеса Евангельскія, слышанныя нами изъ устъ отца нашего духовнаго.« Михаилъ взоромъ благодарилъ друга. Между тѣмъ Батый кипѣлъ яростію, уже изрекалъ смерть, и слалъ исполнителей своей звѣрской воли. Михаилъ и Ѳеодоръ, увидя скачущихъ убійцъ, вложили въ уста святые Дары, и громко воспѣли псалмы Давидовы. »Князь!— раздалось въ толпѣ—остается одно мгновеніе: пройди среди огней, и поклонись здѣсь поклоняемымъ; уже близки готовые предать тебя злой смерти.«— Отвѣтомъ было пѣніе Псалмовъ и пѣсней Мученическихъ. Кромѣшники присѣли, соскочили съ копей, бросились на жертву, — и смолкло пѣніе на землѣ, — началось небесное для слуха Михаилова. Поверженный, біемый въ грудь, давимый пятами кровопійцъ, онъ, вмѣсто жалобъ, непрестанно повторялъ: »Христіанинъ есмь.« Князья и Бояре цѣпенѣли безмолвные. Страданіе длилось. Тутъ единъ изъ слугъ Батыевыхъ, именемъ Довманъ, отступникъ отъ Вѣры православной, съ ужасомъ и тайною досадою взиравшій на святодоблестную твердость Михаила, не стерпѣлъ бо́льшаго торжества Вѣры, имъ покинутой; извлекъ ножъ, и отдѣлилъ отъ тѣла честну́ю главу Мученика — о чудо! — говоритъ лѣтописецъ, еще произне-

сшую: »Христіанинъ есмь!« [11] — Такъ увѣнчался Михаилъ вѣнцемъ нетлѣнія.

Ѳеодоръ стоялъ, сладостно волнуемый небесною радостію, и съ веселымъ лицемъ ободряя державнаго Мученика. — »Желаешь ли быть Великимъ Княземъ Кіево-Черниговскимъ?« — сказали ему Темники, Мурзы, Баскаки, Волхвы и Жрецы Могольскіе, — »иди между огней и поклонись кумирамъ нашимъ!« — »Не хочу Княженія Господина своего, Великаго Князя Михаила — отвѣчалъ Бояринъ, — хочу быть при немъ: здѣсь не отступалъ отъ него, тамъ ли отступлю?.... богамъ вашимъ не кланяюсь.« Началось мученіе Ѳеодора, подобное Михаилову, и увѣнчалось вѣнцемъ равнымъ, наградою имъ столь желанною. Раздираемый на части, говоритъ Исторія, онъ славилъ благость Небесную и свою долю.

Батый содрогнулся; назвавъ Михаила *мужемъ велійимъ;* не посмѣлъ нудить хитраго Даніила Галицкаго къ чествованію своихъ боговъ; [12] съ уважительнымъ отличіемъ принялъ Александра Невскаго, также отрекшагося пройти между огней и поклониться кумиру, и, какъ бы страшимый мѣстомъ, на комъ пролилась кровь Святыхъ, спялъ кочевье свое съ ближайшихъ береговъ Волги, бросивъ тамъ свои улусы, и со всѣми Ордами подался ближе къ столицѣ Могольской, Сараю.

Тѣлеса святыхъ Мучениковъ брошены были на снѣденіе псамъ; но скоро, озаряемыя горнимъ свѣтомъ, оглашаемыя пѣснями Ангеловъ и разлившія окрестъ благоуханіе, обрѣтены вѣрными Россіяна-

ми, сохранились, какъ одна изъ ихъ важнѣйшихъ святынь, и воспріяли путь въ отчизну. Погребенныя въ первомъ храмѣ Чернигова, чрезъ три столѣтія опѣ *вызваны* были въ новую царицу нашихъ градовъ. И кому обязана Москва, за честь хранить ихъ останки въ стѣнахъ своихъ? — бурной душѣ Іоанна IV. Жаждая утолить ея тревоги чествованіемъ святыни, и умилостивить духъ Святаго Князя, истязавъ потомковъ его: славнаго Князя Михаила Воротынскаго (героя Казани и спасителя Россіи на берегахъ Лопасни), доблестнаго Князя Никиты Одоевскаго, и Князей: знаменитаго Петра и Димитрія Оболенскихъ, Іоаннъ написалъ къ Черниговскимъ Угодникамъ велерѣчивое *Посланіе*, приглашая ихъ *какъ живыхъ*, въ престольный градъ. [13] Прибыли святыя Мощи, — и Царь, Царица, Митрополитъ Антоній, Святители и Бояре внесли ихъ въ церковь, во имя ихъ созданную и названную Соборомъ. Чрезъ два столѣтія опѣ перенеслись въ Срѣтенскій Соборъ, а оттуда въ эту усыпальницу, ихъ достойнѣйшую. Такъ въ волѣ побѣдоносной Екатерины, конечной низложительницы Ордъ Могольскихъ, проявили Угодники Божіи свою волю: почить среди единокровныхъ, а также и великихъ отцевъ отечества племени Романовыхъ. [14]

Поклонясь въ прославленномъ Михаилѣ Святому, замѣтимъ, слѣдуя сказанію Лѣтописцевъ, что его память неменѣе достойна святиться и по мірскимъ добродѣтелямъ, пребыть незабвенною и по дѣламъ державства. Царей любятъ не даромъ. Тотъ умѣлъ

царствовать, кто отъ Сѣвера до Юга необъятной Россіи срѣталъ лишь благословенія. Въ Переяславлѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Торжкѣ, Галичѣ, Кіевѣ и Черниговѣ, гдѣ только появлялся онъ, *ради быша людіе вси,* и самый премѣнолюбивый Новгородъ, столпясь на дворѣ Ярослава, со слезами умолялъ его остаться, когда сердце влекло его къ родному Чернигову. »Вся область наша — »говоритъ лѣтописецъ Новгородскій — благосло»вляла свой жребій, не чувствуя ни какой тяго»сти.« * Онъ умѣлъ помнить добро, — и памятникъ, воздвигнутый имъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ честь Никиты Столпника, изцѣлившаго его отъ недуга, долго свидѣтельствовалъ о его благодарности. Онъ, сверхъ того, умѣлъ постигать высокое въ характерѣ этого Праведника: Чья собственная жизнь была приготовленіемъ къ великому подвигу добродѣтели, тотъ болѣе другихъ зналъ цѣну ея жертвъ. Онъ находилъ достиженіе высочайшей ея степени въ мужѣ, который тѣснымъ стояніемъ въ столпѣ, гладомъ, жаждою, лишеніемъ всѣхъ потребностей жизни укротилъ въ себѣ сильнѣйшія изъ страстей — ярость гнѣва и любостяжаніе.

(Житіе нашихъ Мучениковъ есть исторія героизма; Житіе нашихъ отшельниковъ есть исторія человѣческой мудрости).

Михаилъ имѣлъ рѣдкое щастіе, бывъ Государемъ во времена усобій, нестроеній, коварной переметчивости, обрести въ подданномъ друга прямаго,

---

* См. Кар. И. Г. Р. томъ III, стр. 244.

безкорыстнаго: этотъ даръ обрѣтается лишь сердцемъ, его достойнымъ. Пришла на отечество година туги, скорбей и униженія: онъ явился однимъ изъ немногихъ достойныхъ представителей Россіи. Твердость его прославила, укрѣпила Христіанство. Святою своею кончиною онъ какъ бы заповѣдалъ Князю Роману Рязанскому пріять такуюже отъ Хана Тимура, смѣло опровергая строки Алкорана,— и сей новый подвижникъ, съ заткнутыми мучительски устами, скончался изрѣзанный по составамъ и обезглавленный съ поруганіемъ.

Бояринъ Осодоръ превысилъ всѣхъ вельможей— героевъ того времени, и снискалъ право раздѣлить съ Государемъ вѣнецъ горняго Царства.

Великіе соревнователи въ борьбѣ за Вѣру и Отечество! эта Вѣра и это Отечество, равняя ваши подвиги, во имя ихъ славно подъятые, велятъ намъ поклоняться вашимъ соосвященнымъ тѣлесамъ и молить васъ, да осѣняете свѣтомъ незаходимой славы Царство Русское, его Царей и ихъ вѣрныхъ слугъ—сподвижниковъ; да укрѣпляете ихъ тѣмъ же духомъ благочестія и отчизнолюбія, коимъ вдохновлялись Вы сами, шестью вѣками прославленные! Святитесь, доколѣ стоитъ Россія, и нашимъ поклоненіемъ и слезами нашей признательности!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ 1036 году, то есть при кончинѣ Мстислава, сына Св. Владиміра, стѣны Черниговскаго соборнаго храма были выведены выше, нежели можетъ достать рукою всадникъ, сидящій на конѣ. Онъ стоитъ и по нынѣ, сооруженный на мѣстѣ доременнаго нашему Христіанству идольскаго храма, и его Сѣверные и Южные хоры поддерживаются древними мраморными колоннами, взятыми изъ этого капища. Изъ двухъ идоловъ, тамъ стоявшихъ, Гетманъ Мазепа вылилъ Царскія двери для Борисоглѣбской церкви. Поповители замазали эти *мраморныя* колонны *бѣлымъ мраморомъ*, вмѣстѣ съ буквами, на нихъ изсѣченными. (Это случилось—въ 1820 году!)—Тамъ долго существовалъ, въ одномъ отдѣлѣ храма, похоронный или усыпальный *теремъ* Князей Черниговскихъ, куда, въ 1150, Святославъ Ольговичъ перенесъ тѣло брата своего, Игоря.

Скрытіе древнихъ колоннъ Черниговскаго Собора напоминаетъ одно мѣсто изъ *Voyage du duc de Raguse*, гдѣ и солдатъ, но только Наполеоновскій, упрекаетъ Южную Россію въ равнодушіи къ памятникамъ древности, заключая, что изученіе оныхъ есть для насъ еще новизна:

»A peu de distance de l'ancienne ville de Cherson, est l'endroit anciennement appelé le promontoire de Parthénion. C'est là que la tradition placele temple de Diane, où l'on sacrifiait des victimes humaines, et dont Iphigénie fut la prêtresse. Sur le même cap s'élève le monastère grec de Saint-Georges. Il y a quelques années le gouvernement russe écrivit à l'archevêque qui y réside, pour qu'il eût à faire faire des recherches afin de découvrir le lieu précis où était situé ce temple, si célèbre dans l'antiquité. Le bon archevêque se livra aux soins qui lui avaient été commandés; mais ses efforts n'aboutirent à rien de satisfaisant. . . . . .
. . . . L'archéologie est encore une science nouvelle dans ce pays.«(*)

Какъ наука, правда, Археологія у насъ еще въ младенчествѣ; но какъ охота, скажемъ къ стыду своему, что она съ XVIII столѣтія *впала* въ младенчество и теперь только возстаетъ изъ онаго розыскательными трудами ученыхъ Патріотовъ. Сверхъ

(*) Voyage du Duc de Raguse, Tome 1. page 227, 228, Edition de Bruxelles. 1857.

множества доказательствъ, вотъ одно: Въ Зарайскѣ находилась Батыева золотая печать; въ 1653 году ее взяли въ Соборную церковь, чтобы сохранить какъ историческую драгоцѣнность; а въ XVIII столѣтіи позолотили ею водоосвятную чашу и другія вещи.—Камни съ гробовъ Пересвѣта и Осляби задѣланы въ фундаментъ въ концѣ онаго же. Это охлажденіе перешло и въ начало XIX. Нѣтъ монастыря, почти нѣтъ храма, гдѣ бы старый ризничій не разсказывалъ о подобныхъ *нашествіяхъ переносителей и поновителей*, и все въ позднѣйшія времена. Какая же была причина такому упадку охоты сберегать и изучать памятники древности?—всеохлаждавшая философія XVIII столѣтія, а послѣ, умозрительное разнотолковіе. Уже рѣдко видимъ старцевъ-иноковъ, съ жаромъ участія разсказывающихъ о событіяхъ, происходившихъ въ обители, а также и о предметахъ въ ней хранимыхъ, старцевъ, какихъ нѣкогда мы встрѣчали: *позитивное* въ жизни, и *трансцендентальное* въ умахъ—всё подавили. Никогда не забуду добродушныхъ улыбокъ на вопросъ мой въ Чудовѣ, цѣла ли келлія, гдѣ умеръ Ермогенъ. Памятенъ также и ветчинный окорокъ, висѣвшій надъ гробомъ Матвѣева,—(случаи, замѣченные мною въ книгѣ: *Отечественная Галерея*, томъ II, стр. 220). Благодарность и хвала памяти Евгеніевъ, Калайдовичевъ, Ермолаевыхъ, Свиньиныхъ; благодарность и хвала Малиновскимъ, Строевымъ, Снегиревымъ, Макеютиныхъ, Аверинымъ, и ихъ сотрудникамъ, а также и собирателямъ остатковъ нашей древности: Мусинымъ—Пушкинымъ, Румянцевымъ, Толстымъ, Оболенскимъ, Царскимъ, Озерскимъ; хвала и благодарность Полевымъ за собраніе матеріаловъ для продолженія *Древней Россійской Виліоѳики*, важнаго труда Новикова, (едвали бывшаго любопытнымъ для его современниковъ): всѣ они выручаютъ насъ, доказывая, что мы еще можемъ хвалиться образованнымъ патріотизмомъ, и обнадеживаютъ, что изысканіе и храненіе остатковъ нашей старины сдѣлается повсемѣстнымъ.

2) »Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мощи Бориса и Глѣба сокрыты въ Вышгородѣ, и должны быть надъ колодцемъ, находящимся около алтаря; ибо однажды замѣтили, когда колодезь былъ вычерпанъ, что дно его кирпичное и выпуклое, а при обрытіи Г-жею Турчаниновою церковнаго фундамента, замѣчено было, что въ эту сторону простирался каменный сводъ, который боялись тронуть, дабы не разрушить церкви.«

Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1826.

5) Вотъ какъ современники говорили о Татарахъ: »По грѣ»хомъ нашимъ пріидоша языци незнаеми« .... »Пріиде неслы»шаная (*): безбожніи Моавитяне, рекоми Татарове, ихъ же добрѣ »ясно никто же не сповѣсть, кто суть и откуду пріидоша, и что »языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; зовуть я »Татары, и иные глаголютъ Таурмены, а друзіи Печенѣзи, иніи »же глаголютъ, яко си суть, о нихъ же Нефедій Епископъ Пата»ромьскій свидѣтельствуетъ (Тутъ предсказаніе, подобное меч»танію Жан-Жака Руссо о Татарахъ же). Богъ единъ вѣсть ихъ; »но мы, здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради Русьскихъ Князей »и бѣды, яже быть имъ отъ нихъ «..... Описавъ первое ихъ »нашествіе и удаленіе, Лѣтописцы продолжаютъ: »сихъ же злыхъ »Татаръ не свѣдаемъ, откуду были пришли на насъ и гдѣ ся »дѣли опять; но только Богъ вѣсть.«

Софійскій Временникъ.

4) При нашествіи Батыя Москвѣ небыло еще ста лѣтъ. Въ первый разъ Лѣтописи упоминаютъ о ней въ приглашеніи Георгіемъ Святослава на пиръ: »Буди, брате, ко мнѣ къ Москвѣ.« Это было въ 1147 году. Среди прекрасныхъ ея видовъ пировали Князья, удалясь отъ Столицы какъ въ увеселительный выгородъ, Георгіемъ обстроенный.

5) »Якоже речено быть древле Іисусу Навгину Господемъ: »азъ посло на ня преже васъ недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и »трепетъ; такоже и преже сихъ отъ насъ Господь силу отня, а »недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за »грѣхи наша.« Я уже замѣтилъ однажды, что наши Лѣтописцы часто дѣлались витіями: Кто не вспомнитъ здѣсь Боссюэтовой картины древняго Египта, пораженнаго шаткостію въ совѣтахъ и недоумѣніемъ: »Quand Dieu veut renverser les empires, tout est »faible et irregulier dans les conseils. L'Egypte, autrefois si sage »marche énivrée, étourdie et chancelante, parceque le Seigneur a

---

(*) Почтенный издатель *Софійскаго Временника* поправилъ эти два слова такъ: »Пріидоша неслыханіи« — поправилъ какъ Историкъ; но, кажется, Лѣтописецъ былъ нѣсколько и поэтомъ, и не лишне было бы сохранить въ этихъ словахъ то чудесное, сверхъестественное, въ которое онъ облекалъ нашествіе Могольскихъ Ордъ на Россію. Къ тому же, обстоятельства были еще такъ свѣжи въ памяти Лѣтописцевъ, что не иначе они могли повѣствовать. Въ спискѣ *Волынскаго Лѣтописца* также, думаю, *прибавлено* къ слову: »неслышанная« слово: »рать« и напрасно.

»repandu l'esprit de vertige dans ses conseils; elle ne sait plus ce qu'el-»le fait, elle est perdue.«—Карамзинъ, увлекаемый »Лѣтописцами,« дозволилъ себѣ строку или двѣ, заключающихъ въ себѣ подобныя разсужденія (*).— Говоря о »Лѣтописцахъ, замѣтимъ, что бѣдствія, постоянно томившія тогдашнюю Россію, отзываются въ трогательности ихъ слога: Сказаніе о кончинѣ Александра Невскаго, еще напоминавшаго имъ о славѣ, *писано*, можно сказать, *слезами*. Никакой Тома въ своемъ превосходномъ панегирикѣ Марку-Аврелію не сравнится трогательною силою съ нашимъ »Лѣтописцемъ, изобразившимъ погребеніе святаго Героя. Упомянувъ о смерти Романа Ольговича Рязанскаго, замученнаго въ Ордѣ отъ Хана Тимура, *Софійскій Временникъ* прибавляетъ: »О возлюбленіи Князи Рустіи! не прельщайтеся пусто-»шною славою свѣта сего, еже худьше паутины, яко сѣнь ми-»нуетъ; не принесетъ бо ничтоже на свѣтъ сей, ни отнести »что можетъ. Взлюбите чисту правду, да радости Святыхъ спо-»добитеся, якоже сей блаженный Романъ страстію царство не-»бесное и вѣнецъ пріятъ отъ руки Господня съ сродникомъ »своимъ Княземъ Михаиломъ Черниговскимъ.«

6) Мощи Святыя Евфросиніи, дочери Кн. Михаила и родной сестры супруги Героя Василька, почиваютъ въ Ризположенской Суздальской обители.—У извѣстнаго собирателя Русскихъ древностей, Московскаго купца Ивана Никитича Царскаго, хранится, между рукописями въ листъ, отдѣленіе 11-е, N° 121, манускриптъ XVII вѣка, писанный полууставомъ на 96 листахъ и украшенный многими рисунками. Въ началѣ драгоцѣнной этой рукописи помѣщена *Служба Святой Преподобной Евфросиніи*, сочиненная, какъ кажется, около 1575 года, Варлаамомъ Епископомъ Суздальскимъ. За тѣмъ, *Житіе Святой Преподобной Евфросиніи Суздальской*, сочиненное Суздальскаго Спасо-Евѳиміева Монастыря монахомъ Григоріемъ, въ 1558 году; и наконецъ слѣдующія любопытныя сказанія, сочиненныя Варлаамомъ Епископомъ Суздальскимъ: 1, Слово о чудесѣхъ Преподобныя Благовѣрныя Княжны Евфросиніи Суздальскія, чудотворныя, како уставися праздникъ сей праздновать. 2, О изобрѣтеніи стихѣръ и канона и житія Преподобныя Княжны Евфросиніи безъ вѣсти бывше много лѣтъ. 3, Изложеніе стихѣръ и канона Преподобныя Княжны Евфросиніи, повелѣ-

(*) Изображая ту же эпоху, онъ говоритъ: »Провидѣніе, готовое на-»казать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.« *И. Р. Г. Томъ III, стр.* 277.

ніемъ Архіепископа Варлаама Суздальскаго, како извѣщалъ Благочестивому Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу всеа Русіи и Преосвященному Антонію Митрополиту Московскому и всеа Русіи, о бывающихъ чудесѣхъ у раки Преподобныя Евфросиніи. 4, Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу всеа Русіи, како извѣщалъ Епископъ Варлаамъ Суздальскій о преславныхъ чудесахъ Преподобныя Княжны Евфросиніи, и житіе ея и канонъ Великому Государю подалъ.

Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ сего послѣдняго сочиненія: »И повелѣ Великій Государь чудеса написати на пользу про»читающимъ, тако же Преосвященный Митрополитъ Антоній, »иже тогда украшая престолъ Русскія Митрополіи, слышавъ о »Преподобной Евфросиніи, елика Богъ творитъ чудеса ея ради, »и собра весь освященный соборъ, стихѣры и канонъ и житіе »и чудеса, чести и праздновати повелѣ мѣсяца Сентября въ 25 »день.«

7) Исторіографъ говоритъ, что эти камни, едва въ подъемъ для четырехъ мужей сильныхъ, бросались изъ орудій или махинъ: согласенъ, но ни праща ни самострѣлы не дѣйствовали безъ усилій рукъ человѣческихъ для посылки выстрѣла. Здѣсь же стремленіе тягостныхъ тѣлъ было сильнѣе, чѣмъ изъ огнестрѣльнаго орудія: никакая мортира или пушка не можетъ послать зарядъ свой на полтора перестрѣла или перелета стрѣлы: ибо тогда стрѣлы летали также далеко, какъ нынѣ ядра. Слѣдуетъ заключить, что хотя и махинами были пускаемы эти камни, но съ помощію необыкновенной силы рукъ человѣческихъ.

8) Папскій посолъ, современный событію, былъ Плано-Карпинъ; имя Французскаго неизвѣстно. Рубрикинъ былъ посланъ Людовикомъ Святымъ уже вторично, и проѣхалъ прямо къ Великому Хану, Мангу. Замѣтимъ, кстати, что король Французскій менѣе другихъ Государей боялся Татаръ: прочіе не смѣли и посылать пословъ.

9) Въ Житіи Черниговскихъ Угодниковъ сказано: »идоламъ Кану и Кусту,« какъ бы двумъ кумирамъ; но въ *Софійскомъ Временникѣ* и въ рукописи XV вѣка, у меня находившейся: »кланяхуся солнцу и огню и кусту и идоламъ ихъ;« и такъ этотъ покланяемый *кустъ* былъ древесный, а не олицетворенное божество. Касательно же *Кана*, то въ *Ростовск. Лѣтоп.* этотъ Канъ значитъ Ханъ. См. *И. Р. I. Томъ IV. Прим.* 41;—и такъ, можетъ быть, Каршинъ говоритъ справедливо, что тамъ заставляли кланяться и басмъ Великаго Хана, подобной, думаю, той, которую послѣ привозили и въ Москву, на урочище Болва-

ново. По соображенiи всего, надлежитъ понимать это слѣдующимъ образомъ: предъ входомъ къ Батыю долженъ былъ всякiй пройти между двухъ огней, и поклониться солнцу, священному кусту, болвану Ханскому и кумиру; а этотъ послѣдній, быть можетъ, былъ Могольской идолъ *Ямантаги* или бога разрушенiя, недавно найденный, и хранящiйся въ музеѣ Московскаго Университета.—Упомянутый Папскiй посолъ (Плано-Карпинъ), проходилъ у Батыя между огней, кланялся солнцу, кусту, болвану и кумиру; но, отъ стыда, говоритъ только, что принужденъ былъ *нѣсколько разъ кланяться*.

10) Въ Житiи сказано *мечъ;* но во всѣхъ Лѣтописяхъ, которымъ слѣдовалъ Историографъ, а также и въ *Софiйскомъ Временникѣ*, и въ рукописномъ Житiи XV столѣтiя, которымъ я пользовался, сказано *коць*, то есть, мантiя.

11) Къ удивленiю нашему, замѣтили мы, что это слово: *Христiанинъ есмь*, дважды повторенное въ превосходномъ драматическомъ твореniи Корнеля, *Полiевктѣ*, и непрестающее поражать читателей и зрителей (*), кажется какъ будто взятымъ изъ житiя нашего Страстотерпца, ибо въ книгѣ Метафраста о Св. Полiевктѣ не находимъ его (**); но Корнель также не могъ почерпнуть его и изъ нашихъ Хроникъ, ибо не читалъ ихъ; и такъ, признаемъ лучше, что придуманное геniемъ поэта или ему вдохновенное, было опережено излетѣвшимъ, за нѣсколько вѣковъ прежде, изъ сердца полнаго Вѣры, и что высшее принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ, ибо источникъ его—вѣчность.

12) Славный въ Европѣ умомъ и храбростiю, Данiилъ, король Галицкiй, не любившiй хитрой, мѣлочной политики (***), названъ здѣсь хитрымъ, ибо, уклонясь отъ идолослуженiя, онъ снискалъ въ Ордѣ отличiе предъ всѣми раболѣпствовавшими тамъ Государями; но главнѣйшимъ дѣломъ его было перехитрить Папу Александа IV. Вообще можно сказать, что въ

(*) »Ce dialogue admirable et toujours applaudi«... *Voltaire*.—»Dialogue superieur à tout ce que j'ai cité.« *Laharpe*.—»Ce mot *je suis chretien* deux fois repeté égale les plus beaux mots des Horaces. Corneille, qui se connaissait en sublime, a senti jusqu'où l'amour pour la religion était capable de s'élever.« *Chateaubriand*.

(**) Лагарпъ говоритъ, что Корнель извлекъ изъ житiя Св. Полiевкта лишь связь его съ Неаркомъ и обращенiе въ Вѣру, супружество съ Павлиною и мщенiе Феликса, но что остальное принадлежитъ поэту.

(***) См. въ *II Р. Г.* предсказанiе Данiила Галицкаго Королю Венгерскому Белъ IV. *Томъ IV, стр.* 19.

сношеніяхъ съ Римомъ, отъ временъ Св. Владиміра до Междуцарствія, никакой Талейранъ не сравнялся въ дальновидности съ нашими Боярскими и Іерархими Думами, которыя менѣе страшились ига Татарскаго, нежели Папскаго деспотизма, и знали чего страшились за потомство, знали, что оно скоро свергнетъ первое, но никогда не избавится отъ послѣдняго. Современный Даніилу *знаменитый миротворецъ Князей и другъ отечества*, Митрополитъ Кириллъ II, посылавшій Епископа Сарайскаго въ Грецію, чтобы удержать ее въ Восточномъ Православіи, такъ убоялся вкравшагося въ нѣкоторые края *обливанія* вмѣсто *погруженія*, что на Соборѣ, созванномъ въ Владимірѣ, написалъ строгое увѣщаніе объ этомъ предметѣ.

15) Смерть незабвеннаго Кн. Михаила Воротынскаго, коего имя сдѣлалось *достояніемъ и славою нашей Исторіи*, описана, подъ годомъ 1577, вмѣстѣ съ смертію доблестнаго Боярина и Воеводы, Князя Никиты Одоевскаго, въ *И. Р. Г. Томѣ IX, стр.* 266 и 267. Смерть славнаго Воеводы, Кн. Петра Оболенскаго — Серебрянаго описана тамъ же, подъ годомъ 1570, *стр.* 162 и 163. Смерть Кн. Димитрія Телепнева-Овчинина-Оболенскаго тамъ же, подъ годомъ 1561, *стр.* 21. Тамъ же, *на стр.* 293, сказано, что »тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Воротынскаго мечтались воображенію Іоаннову.«

Вотъ это *Посланіе*, современное шестой эпохѣ казней, пятому супружеству Іоанна и посвященію Антонія въ Митрополита. (Оно не было извѣстно Исторіографу, и находится въ Сборникѣ, принадлежащемъ Московскому Купцу Андреяну Ивановичу Озерскому).

»Посланіе благочестиваго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси и всего освященнаго собора, къ Великимъ страстотерпцемъ и исповѣдникомъ: къ Великому Князю Михаилу Черниговскому и боярину его Осодору, имѣюще образъ сицевъ:

»Святіи Великомученицы и исповѣдники Господни Благовѣрный Княже Михаиле, и ты, боярине его Осодоре, понеже вѣру соблюдосте во Христа Господа нашего въ Троицы славимаго, тричисленнаго истиннаго Божества, славу и власть и честь непоколебимую и крѣпкую силу Отца и Сына и Святаго Духа проповѣдавше, дерзостне подвигъ скончавше, теченіе совершивше, и своими кровными страданіи, Христа Бога нашего истиннаго исповѣдавше, и нечестіе злочестиваго царя возразисте и православіе тогда заступисте, отъ всѣхъ многихъ напастей и бѣдъ, душевныхъ же и тѣлесныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, и иноплеменныхъ нахоженіе и разореніе, и пріі-

ясте отъ Бога вѣнцы и царствіе безконечное на небесѣхъ со всѣми святыми страстотерпцы Христови, душевне же и тѣлесне, душевне убо царствія иного неизживущаго приясте; тѣлесне же чудесемъ даръ приясте, кровми Вашими обагрившеся, и Духа Святаго въ тѣлесѣхъ Вашихъ живущаго сохраняющаго, и дѣйствующа чудесы, имуща отечество Ваше сохраняюще отътоле и доселе; яко нѣкое молчаніе бысть. Нынѣ же при насъ убогихъ и недостойныхъ рабъ своихъ Господу нашему Іисусу Христу за него же страдавша, произволившу Васъ своихъ угодниковъ прославити толикими чудесы, и толикое отступниковъ многочисленное воинство, и злокозненіе ихъ ухищреніе Вашими святыми молитвами въ Троицѣ славимому Христу Богу нашему, и заступленіемъ ни вочтоже положено бысть Вашими ко Господу молитвами, по глаголющему пророку: сѣть сокрушися, мы избавлени быхомъ, помощь наша во имя Господне, сотворшаго небо и землю. Мы же смиренніи, со отцемъ своимъ Митрополитомъ и со святители и со всемъ освященнымъ соборомъ, и со иноки, и съ бояры, и совсѣми православными Христіаны, слышавши сія величія Божія и Вашія святыни чудодѣйствія, прославихомъ славимаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, прославляющаго Васъ, угодниковъ своихъ, и радостію духовною возвеселихомся, яко въ наша лѣта Господу нашему Іисусу Христу надъ нами таковая милосердіе свое содѣвающе; тѣмъ же совѣтовахомъ, мы смиренніи, со отцемъ своимъ Антоніемъ Митрополитомъ всея Руси и со святители Русскія земли и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со иноки и съ бояры и совсѣми православными Христіаны, соборне совѣтовавше, къ Вамъ, святіи, вѣрою влекомы, желающе Ваша мощи видѣти въ славномъ градѣ Москвѣ; тѣмъ же соборне единомышлено мы, смиренніи, со отцемъ своимъ Антоніемъ Митрополитомъ всея Руси, и со всѣми православными христіаны, моленіе послахомъ къ Вашей святыни, не яко властельски и заповѣдающе, но яко рабски и припадающе молимъ Вашу святыню, не яко отшедшимъ, но яко живыхъ Васъ молимъ. Понеже человѣколюбія неизреченнаго Господа нашего Іисуса Христа смотрѣнія устыдѣстеся и съ нимъ единеніе соблюдосте, и заповѣди его сохранисте и пребываете въ любви его; и Господь нашъ Іисусъ Христосъ Васъ состави собѣ самому, якоже уды главѣ, единъ духъ съ нимъ быстей душъ Вашихъ и тѣлесъ, или яко исмесися и не токмо живымъ, но и поскончаніи Вашемъ не отступаети, персти Ваша и кости полны того суть благодати; яко во страшней и животворящей Господа нашего Іисуса Христа смерти блаженней души пречистаго тѣла отступльше, и божествомъ не разлу-

чинъ отбѣгъ отъ него, иже во ядрехъ сый пренепосущнаго Отца, и душею бѣ во адѣ и тѣломъ во гробѣ. Сицемъ образомъ душа и тѣлеса Ваша другъ друга ближнихъ своихъ отступиша, Господа же нашего Іисуса Христа неразлучившася, и тѣлеса Ваша своихъ душъ лишени быша; Господа же нашего Іисуса Христа живота истиннаго въ себѣ имате, якоже душа Ваша въ того живутъ руку; тако и тѣлеса Ваша того имуть жителя, и сего ради дѣмономъ страшни и душевныя изцѣлевати струпы и тѣлесныя болѣзни неизцѣльныя уврачуваете, и дарованія духовная и сила вся якоже живымъ даровавшаго и душъ отлучившихся Васъ ничтоже лишенія имуще являетеся дѣйства ради; якоже Вы извѣствующе слово еже не ложной обѣща: »вѣруяй въ мя смерти не имать видѣти во вѣкъ,« и паки рече: »нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ,« яко живыми и мертвыми обладая, вси бо тому живи суть; тѣмъ же и мы вѣруемъ, яко раби есте живаго Бога и сами по смерти живи есте. Якоже и мы Вамъ молимся къ Вашей любве возводяще, презрите беззаконія наша, не возгнушайтеся срамныхъ дѣлъ нашихъ, очистите согрѣшенія наша, не отыидѣте въ дальняя страны, или въ недовѣдомая мѣста, или въ руки отступниковъ, за наша согрѣшенія умолени будите труды своими и ноты и заколеніи кровными, яже ради изліясте за имя его святое подобящеся его милосердію; якоже отъ человѣколюбія ради сниде на землю и воплотися отъ Пречистыя Матере его, тако Вы подобящеся владычню человѣколюбію, призрите на наше смиреніе, услышите моленіе святительское, и всего освященнаго собора, нодадите себѣ намъ не бо властельски заповелѣваемъ, но рабски молимъ Вы: вдадите себѣ посланнымъ отъ насъ къ Вамъ: не бо они мощи Ваши принесутъ, но Вы сами благоизволно пріидете къ намъ и насъ просвѣтите и градъ сохраните по Божію изволенію, изволите съ нами въ царствующемъ градѣ Москвѣ жити, и насъ и всего православія сохраняюще, призрите на достояніе Христіанское и на люди Христіанскіе и подажте миръ градовомъ Христіанскимъ; освятите церкви Христіанскія; облецете іерея въ правду; даждьте царемъ судъ; разрушите иноплеменныхъ рати; устанвите обдержащіи на ны мятежи, и утолите усобныя брани сими вѣми и иными Божіими дарованіи, и насъ пришествіемъ своимъ просвѣтите и впредь просвѣщайте въ славу и хвалу Христу Богу нашему, иже бо отечество Ваше безъ сохраненія будутъ, возможно бо Божіею благостію Вашей святыни, яко же молніи повелѣду милосердіемъ пропицати и охранити, токмо насъ не оскорбите и не оставите сирыхъ, пріидете къ намъ благоизволеніемъ, милостію и человѣколюбіемъ, и насъ сподо-

бите Вашей святыни благорадостне прославите; Бога ради услышите моленіе Преосвященнаго Антонія Митрополита всеа Русіи и всего еже о немъ освященнаго собора, и нашего убожества моленія и всего православнаго христіанства (*).«

14) Святые останки Князя Михаила и Боярина Ѳеодора были погребены въ Черниговѣ, въ 1246 году; въ 1578 перенесены въ Москву въ храмъ, бывшій надъ Тайницкими воротами, и тогда-же названный Черниговскимъ Соборомъ; оттуда, въ 1770-мъ, въ Срѣтенскій соборъ, *гдѣ* былъ на *спилѣ;* а въ 1774-мъ въ Архангельскій. На серебряной ракѣ, устроенной Императрицею Екатериною II, были изчислены всѣ побѣды ея надъ Турками и Крымскими Татарами, и сказано, что эта рака сдѣлана была въ благодарность Святымъ Мученикамъ, при торжествѣ мира съ Турціей. (Она утратилась во время занятія Москвы Французами).

(*) Велерѣчивая плодовитость, и затѣйливая витіеватость слога, сквозь которыя проглядываетъ какая-то невольная робкость духа, выказываютъ въ этомъ *Посланіи* сходство съ многими письмами Іоанна къ Князю Курбскому, къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго Монастыря, и другимъ, и съ его духовнымъ Завѣщаніемъ. По всему видно, что онъ одинъ сочинялъ его. Тогда еще жили ученики Максима-Грека, Макарія, соученики Курбскаго, и могли бы написать лучше; но Іоаннъ взялъ перо,—и никто уже не смѣлъ ни сочинить своего, ни вызваться исправить сочиненное имъ. Здѣсь, по обыкновенію Іоанна, приведены слова изъ старинныхъ молитвъ о мятежахъ, будто бы его обдержащихъ, о какихъ-то усобныхъ бранихъ, тогда какъ не было ни тѣхъ ни другихъ: эти мятежи и усобныя брани были тогда единственно въ неспокойной душѣ Іоанна.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписка изъ тетради, данной отъ Московской Духовной Консисторіи, въ 1774 году, въ Архангельскій Соборъ, для записки въ оную прибылыхъ вещей. Стран. 3. № 13.

У втораго праваго столпа, на амвонѣ, обитомъ мѣдью, поставлена новая серебряная великолѣпная рака, въ кою вложены мощи Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Михаила и Боярина его Ѳеодора, Черниговскихъ Чудотворцевъ съ прежнею мѣдною гробницею. Къ главамъ сея серебряныя раки въ овалѣ выгравирована буквами молитва онымъ Исповѣдникамъ. Рама сего овала изображена на подобіе лавровъ. Къ ногамъ въ овальной же фигурѣ краткое описаніе жизни ихъ, съ подобнымъ украшеніемъ, какъ и въ главахъ. Противъ рамень Страстотерпцевъ въ квадратной рамѣ на серебрѣ, съ украшеніемъ приличнымъ, черновою работою изображенъ приступъ ко граду Кіеву нечестиваго Батыя съ его воинствомъ. Противъ берцевъ Святыхъ въ таковомъ же квадратѣ съ равнымъ подобіемъ, но съ отмѣною въ рисункѣ начертано взятіе Святаго Князя съ Боляриномъ его къ Батыю. Съ одной Сѣверной стороны сея раки, всѣмъ приходящимъ въ церковь, открытой, на самой срединѣ сдѣланъ кругъ, украшенный рамою съ фестономъ, въ коемъ надпись, изображающая истинное Ея Императорскаго Величества благочестіе и благодарность къ Богу, за увѣнчанную войну преславнымъ съ Турками миромъ, и все то, что оными побѣдами пріобрѣтено. Между всѣхъ вышеизъясненныхъ вещей, украшена вкругъ сія рака безплотными небесными Силами и другими, узаконеніямъ Греко-Россійской нашей церкви, соотвѣтствующими цвѣтами. Крышка сей раки, съ принадлежащимъ къ ней карнизомъ, испещрена пристойною рѣзьбою съ пальмами и другими украшеніями, за вѣру и отечество пострадавшимъ, приличными. На сей крышкѣ написанъ самымъ лучшимъ художествомъ на дскѣ мѣдной одного Князя Михаила, въ видѣ лежащаго во гробѣ, образъ.

Примѣч. Противъ сей статьи въ графѣ написано:

Оная рака построена по имянному Ея И. В-ва. Указу и мощи пренесены изъ Срѣтенскаго въ Архангельскій Соборъ съ Крестнымъ хожденіемъ въ великолѣпной славѣ и поставлены

въ оную раку 1774 г. Ноября 21 дня, въ день празднованія Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы. Предъ сими мощами повѣшено напикадило мѣдное о четырехъ ярусахъ, а подъ яблокомъ строокамиловое яйце, принесенное изъ упраздненнаго Черниговскаго Собора, въ 1770 году.

II.

На вышеозначенной богатой серебряной ракѣ, сдѣланной по повелѣнію Императрицы Екатерины Второй, мастеромъ Робертомъ, была слѣдующая надпись:

Во славу Трiипостаснаго Бога, въ честь Приснопамятному Святому Михаилу Черниговскому, отъ коренѣ Равноапостольнаго Князя Владиміра Великаго въ седьмой степени произшедшему, за вѣру и Отечество съ другомъ своимъ Осодоромъ Болярином въ Ордѣ отъ Батыя въ 1244 лѣто 20 Сентября пострадавшему, изъ Чернигова въ столичный градъ Москву принесенному, здѣ же съ державными своими сродниками почивающему, Благочестивѣйшая Великая побѣдами и миромъ преизнесенная Императрица Екатерина Вторая, всѣхъ единовѣрныхъ, Греко-Восточныхъ Христіанъ надежда, покровъ и избавленіе, силу Оттоманской Порты низложившая, неприступную Бендерскую крѣпость въ прахъ и пепелъ обратившая, побѣдоносное свое оружіе за Дунай разпространившая, сожженіемъ и совершеннымъ Турецкаго флота въ Архипелагѣ при Чесмѣ истребленіемъ прославившаяся, Молдавіи, Валахіи и Архипелажскимъ островамъ вожделѣнныя выгоды утвердившая, народамъ, обитающимъ въ Крыму, въ Кубани и Таманѣ свободу даровавшая, одержаніемъ пристаней, Керчи, Еникуля, города Кинбурна къ новымъ промысламъ и кораблеплаваніямъ въ Черное и Бѣлое море путь отверзшая, возобновляя древнія града Кремля зданія новымъ великолѣпіемъ, сію раку въ торжественное изъявленіе преславно заключеннаго съ Портою Оттоманскою Іюля 10 дня 1774 года мира, и въ знакъ истиннаго своего благочестія и пламенѣющей къ Богу благодарности, въ третіенадесять лѣто благословеннаго своего царствованія, при Наслѣдникѣ своемъ Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ отъ созданія міра 7282, отъ Рождества Христова 1774, воздвигнути благоволила.

III.

Житіе Святыхъ Князя Михаила и Боярина его Ѳеодора Черниговскихъ, сочиненіе монаха Андрея, извѣстно въ спискѣ XV вѣка. Оно внесено въ Лѣтописи безъ имени сочинителя.

Подъ именемъ Филолога, монаха, встрѣчается: слово похвальное о Князѣ Михаилѣ и Ѳеодорѣ Черниговскихъ.

Оба эти драгоцѣнныя сочиненія помѣщены въ составленныхъ Митрополитомъ Всероссійскимъ Макаріемъ *Четіихъ Миней*, хранящихся въ 12-ти огромныхъ фоліантахъ въ ризницѣ Успенскаго Собора.

Канонъ Святымъ мученикамъ и исповѣдникамъ Великому Князю Михаилу и Боярину его Ѳеодору Черниговскимъ сочиненъ, какъ сказано въ одной рукописи XV вѣка: Тахомъ Еромонахомъ Святыя горы Пахоміемъ,—извѣстнымъ Іеромонахомъ Пахоміемъ Лагоѳетомъ, пришедшимъ въ Россію изъ Аѳонской горы въ Новгородъ во времена Іоны, Архіепископа Новгородскаго, около 1460 года. Онъ по приказанію сего Архіепископа сочинилъ много *Каноновъ* церковныхъ и *Житій* Русскихъ Святыхъ.

IV.

Любопытное сказаніе о наружномъ видѣ Святыхъ: Великаго Князя Михаила и боярина его Ѳеодора Черниговскихъ, взятое изъ Устюжскаго подлинника, писаннаго уставомъ, въ XVI вѣкѣ.

»Сентября 20. Святыхъ новыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ Великаго Князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора, отъ Батыя царя пострадавшихъ.

Михаилъ русъ, власы кудреваты, брада, аки у Іоанна Предтечи, съ просѣдью; на главѣ шапка; шуба верхъ камка киноварь съ бѣлиломъ, исподъ лазорь, камка же.

Ѳеодоръ сѣдъ, плешивъ, власы съ ушей мало повились, брада покороче Власіевы (*), шуба верхъ лазорь съ бѣлиломъ, камка пестрена, исподъ киноварь пестрень же.

(*) Таковыя замѣчанія встрѣчаются часто въ нашихъ преданіяхъ: напримѣръ, въ описаніи наружности Св. Ксенофонта, игумена обители въ Новгородской области, сказано; »Сѣдъ, брада круглая, *меньше Сергіевой*,« и проч.

Михаилъ держитъ крестъ или молебна, а въ лѣвой мечь въ ножнахъ.

Феодоръ держитъ церковь, а другая молебна; инде пишутъ въ рукѣ крестъ, а въ другой мечь въ ножнахъ.

Февраля 14. Пренесеніе честныхъ мощей Святаго Благовѣрнаго Князя Михаила, отъ Чернигова къ Москвѣ. Стрѣтилъ съ Москвы со кресты: Митрополитъ, царь и царица, и множество народа всякаго, женъ и дѣтей. А подобіе Сентября въ 20 числѣ.«

По симъ означеніямъ, были, въ Царствованіе Іоанна IV, изображены оба Угодника на декахъ, покрывавшихъ раку.—Замѣтимъ, кстати, что по сказанію столь подробному, и письменно вѣками намъ переданному, легко можно заключить, что напрасно обвиняютъ предковъ нашихъ въ нерадѣніи передавать потомству дѣянія и бытъ Россіи. Стоитъ вспомнить нашествія враговъ со временъ Нестора, сопровождавшіяся всѣми родами истребленій, вспомнить всѣ пожары, изгубившіе книги и хартіи Новгородскія, Суздальскія, Владимірскія и Московскія, чтобы не имѣть никакаго сомнѣнія въ бывшемъ существованіи самыхъ полныхъ и подробныхъ матеріаловъ для нашей Исторіи.

V.

Выписка изъ книги: Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, изданной Игнатіемъ Николаевичемъ Даниловичемъ, въ Вильнѣ, въ 1827 году.

КНЯЗЯ МИХАИЛА ГРАМОТА.

Князь Михайло Черниговскій, его жъ замучилъ царь Батый за Вѣру Христіанскую, и съ нимъ замучилъ Боярина его Ѳеодора. А тотъ Князь Михайло созда храмъ въ Черниговѣ Святаго Спаса, что и нынѣче стоитъ. А Князь Михайловъ сынъ Князь Юрій остался, и оставилъ отчину свою пусто и пришолъ въ Тарусу, и въ Тарусѣ господарилъ и родилъ сыновъ пять: старшаго звали Орехва, а прозвищо ему было Всеволодъ, а другой былъ Семенъ, а третій Михайло, а четвертый Иванъ, а пятый Константинъ. И раздѣлилъ имъ послѣ своего живота отчину, старшему Всеволоду Тарусу, Семену Коширъ, Михайлу Мышагу, а Ивану Волкона, а Констянтину Оболенскъ.

Всеволодовъ сынъ Князь Андрей Шутиха, а братъ его былъ Князь Дмитрій. Князя Андреевы дѣти Шутихины: Князь Александро, а другой Князь Василій слѣпъ отъ пороженія родился, а третій Князь Ѳедоръ, четвертый Князь Романъ, пятый Князь Иванъ. А дочки были три: первая Марфа, другая Оксинья, а третья Овдотья (была, Копоглина бабка, Князя Ѳедорова матка). А Князь Александровъ сынъ Князь Левъ, а Князя Львовъ сынъ Князь Иванъ.

А Князя Ѳедоровы дѣти Одинцовы да Оксинины: Князь Дмитрій, Князь Иванъ, Князь Богданъ, а Князь Григорій. А Князя Богдановъ сынъ Князь Семенъ, Князя Ѳедорова сына старшаго у Князя Ивана у его дѣтей было: Князь Григорій а Князь Василій. У Князя Иванова брата у Князя Дмитрія сыновъ было четыре, а двѣ дочки: Князь Василій, а Князь Иванъ, Князь Орехва, а Князь Андрей, а дочка была: одна Княжна Хветка, а другая Анна. У Князя Григорія сынъ Князь Иванъ, и понялъ собѣ жону у Князя Андрея Соколенского Бабича дочку. А Князь Дмитрій понялъ у Князя Семена Володимировича сестру. А Князь Богданъ понялъ у пана Сенька Григоревича дочку. А Князь Иванъ понялъ изъ Смоленска Плюсковыхъ дочку. А у Князя Семена сынъ Андрей, а дочки двѣ: одна Марія а другая Анна. А Князь Семенъ собѣ понялъ жону Князя Михаила Сендюшковича дочку Настасью.

Князь Иванъ Одинецъ пріѣхалъ зъ Нѣмецъ, подаваны ему имѣнія у во Друцку. Князя Ивановъ сынъ Князь Михайло. У Князя Михайла былъ сынъ Князь Андрей. У Князя Андрея былъ сынъ Князь Ѳедоръ, а Князь Александръ. А у Князя Александра былъ сынъ Князь Григорій. Тотъ Князь Александро и съ сыномъ своимъ поѣхалъ до Великаго Князя Московскаго служити, а отчину свою Репухово и села ишіи оставилъ; у во Друцку теперь отчизну его держитъ панъ Илиничъ. Сестра ихъ рожаная, пошла за Князя Великаго Жикгимонта, Князь Великій пріобрѣлъ съ нею сына Михайлушка, то есть родъ нашъ. А какъ Князя Великаго Жикгимонта забили Черторижскіе, такъ Великаго Князя сынъ Михайлушко утекъ до Москвы и тамъ окормленъ и вмеръ.

Эта родословная роспись, составленная вѣроятно кѣмъ нибудь изъ Одинцовыхъ, Князей Друцкихъ, находится въ манускриптѣ, писанномъ въ 1522-мъ году.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
8	25	Праведниковъ	Праведниковъ,
9	31	приосениться	приосѣниться
16	10	не постыдную	непостыдную
16	14	единъ	одинъ
16	22	такъ	такъ,
17	23	исчезла	изчезала
21	11	ты былъ	ты былъ мнѣ
26	25	единъ	одинъ
27	18	назвавъ	назвалъ
28	12	Никиты	Никиту

На приложенномъ рисункѣ, граверомъ, по ошибкѣ, вырѣзано: мира, — читай: міра.

2007059106